

Чтоб его не баловали грёзы:
К звёздам вознося, бросали нищ.
И чтоб многоточия, как слёзы,
Прожигали всполохи страниц.

И чтоб лишь в последнюю дорогу,
Из-под сердца вынув горстку слов,
Дал Господь их, *радостных*, немного
Лучшему из избранных сынов.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

Москва

ПРАВИЛА ВОСПРИГУБЛИВАНИЯ ВИНА В МОЛДОВЕ

рассказ

– Превосходная лоза, прокуратор, но это – не «Фалерно»?
– «Декуба», тридцатилетнее, – любезно отозвался прокуратор.

Михаил Афанасьевич Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Питие определяет сознание. Хотя: обилие выпитого вина ведёт к болтливости! – говаривал Менандр. Даже воспоминание о вине способно развязать язык или вдохновить на безумный текст о вине. Бесконечный, терпкий и густой. С обилием цитат, цезур и пауз. Если, конечно, вино вкушать, а не пить.

Воспригубим! – этот тост Саши Соколова как нельзя лучше отражает отношение пьющего. Вкушающего, словно с каждым глотком вина познаёт мир, женщину, себя, космос или всё это вместе взятое.

Так пьют этот напиток королей, вспоминая итальянскую поговорку:

воду пей, как бык, а вино, как король! – в Молдове, в этой благословенной Богом земле виноградной лозы, Лидии и Изабеллы.

Вино пьют в городе по-своему, в деревне – по-своему.

В Кишинёве дегустируют, причмокивая, многозначительно округляя под глаза под размер стакана. Но всё же вино лучше всего вкушать там, где его выращивают.

В какой-нибудь в деревеньке, где винопитие – настоящий вековой неукоснительный ритуал. Вино – это жизнь. Просто мы не всегда совпадаем с этим током жизни, у нас не всегда в крови 220 вольт. Мы любим разбавлять жизнь водой.

А в Молдове вино в каждом дворе. Республика опутана виноградной лозой, как паутиной. В жилах настоящего молдаванина течёт каберне. В глазах молдаванки плещется безумный отблеск вакхического танца. Вакх живёт в Молдове. А Пушкин в глазах Земфиры.

Надо, наверное, разделить эти две полноводные реки: вино и женщины, – ненадолго, на две неравные части и участи. Разведём по разным углам. Рано или поздно они сольются в одно. В единый вихрь радости и страсти без нашего соизволения...

Даже если и не пью вино, я говорю о нём. Даже если я не пью, я уже вкушаю его аромат, выбираю бокал, думаю. Думаю о том, что вино – это молитва. Моя молитва, немного вакхическая, немного неправильная. Но когда я пью вино, я молюсь. О земле, людях, красоте, нежности, женщине, правде и любви. Словом, когда я пью вино, я люблю!

Даже когда ещё только задумчиво брожу по Дольне, куда приехал однажды двести лет спустя вслед за Пушкиным. Пушкин жил здесь в семействе помещика Ралли, бегал за Земфирой, которая курила трубку и пела глубоким грудным голосом (хочется добавить: цыганские романсы). Конечно, пела, как и каждая цыганка, сбросив сандалии, словно распутав клубок, всё лишнее. От любви к Земфире Пушкин лечился местным вином. Выпивал, как говорят всезнающие пушкинисты, по ведру в день.

И что же?

Земфира не верна?

Моя Земфира охладела?

Вакхический характер этих строк говорит сам за себя. Каждая строчка «Цыган», а вслед за ними музыка Рахманинова, словно напоены молдавской Изабеллой.

Как тут не заболеть? Не загрустить?

И вот я уже в деревне, где, наверное, бывал Пушкин. Табор стоял намного ниже. В тени дубрав. Цыган в деревню пускать боялись. Мало ли что!

Когда я ещё только задумался, то знающие люди говорили: первый двор направо, Георгий. И я иду на эту путеводную звезду, к человеку, названному в честь Георгия Победоносца. По иронии судьбы согласно святым святой Георгий побеждает змия. А я вроде бы иду служить Бахусу, то есть поклониться змию в доме победившего его!

В молдавской деревеньке об эту пору немудрено немножечко сойти с ума. Виноград созрел, пора делать вино. А в центральной России живых, а не этнографическую крестьянина и деревню, днём с огнём не найти. А если найдёте, то ничего кроме самогона и черноплодки здесь не делают. Это, конечно, вкусно, но не вполне вино. Настоящее вино произошло от винограда.

Деревня немножечко сваливается с горы, идёт или бежит под уклон, как будто она пьяна. Земля изрыта канавами, вчера прошёл дождик, и я увязано во всей этой картине: зелень, светлые стены мазанок, заборчики, огораживающие напоенный хмелем воздух, дворы с гусями и курами, и терпкую тишину горячего молдавского полудня.

Но Георгий отыскивается не сразу. Святой Георгий путает следы. Его конь скачет зигзагами. Я взбираюсь то выше, там пусто и никого, то спускаюсь. На крыльце сидит одинокая бабушка. По-русски она не понимает. Но если пальцем щёлкнуть по шее, то сразу показывает левее, туда, где у коренастого дрына, бывшего некогда колдуном с корявыми пальцами, привязан бычок. Бычок недовольно косит белком, в котором пока ещё ничего не кипит. Потому что он – молочный. Но через полгода он будет порох. Бычка я обхожу стороной. Зелёные железные ворота. Засов щёлкает, словно счёты. И я в тени каменного двора, увитого плющом и розами. На заборе – то самое ведро, которым исчерпывал своё одиночество Александр Сергеевич.

Хозяин обнаруживается не сразу, не вдруг. Он словно бы растворён во всём своём хозяйстве с бычками, гусями, утками с маленькими мохнатыми утятами, которые плавают в тазу и с любопытством обозревают нездешние ботинки. Мама сердито крикает на утят и заодно на чужака.

Тишина и спокойствие – тоже вино. И его можно пригубить небольшими глотками. Так хорошо, как будто при сотворении мира, человека ещё не придумали. Я не в счёт. Я – свидетель, я – литзаписчик времён, которые ещё не наступили. Сейчас появится Георгий, и всё начнётся.

Под пологом входной двери старой мазанки обнаруживается хозяин. Невысокий, приземистый, ширококостный, как будто нарисованный Ренато Гуттузо. Его руки привыкли к мотыге, ладонь крупная, грубая и сильная графика. Чёрно-белая. Весь молдавский крестьянин графичен и прост. Это сама живопись и природа. И мы говорим с ним, как будто были знакомы много лет тому назад. Ещё во времена Пушкина.

– Домнул Георгио, ваши соседи сказали, что у Вас есть вино?

– Есть! – коротко, как отдают честь в армии, чеканит слова домнул Георгио. И исчезает в сараюшке.

На свете покуда нас двое: домнул Георгио и аз грешный. Поэтому пауза просто необходима. Мне, чтобы насладиться созданным, а ему, чтобы поколдовать у себя в сарае. Поэтому появляется Георгий тоже не сразу. Лицо у него хитроватое и в то же время счастливое, как будто в руках у него дитя, а сам он напоминает роженицу.

В руках у Георгия полуторалитровая пластиковая бутылка, в которой бурлит красное вино, и два бокала.

Первый он наливает себе. Таково неукоснительное правило жизни. Хозяин пьёт первым. Если вино плохое и отравленное, он будет первой жертвой. Он будет один на этом свете, где нас всего пока двое. Потом наливает гостю.

Я пью вино неторопливо. Жарко, а вино охлаждает мой пыл.

Вино сухое, напоминает Изабеллу. Хозяин, улыбнувшись, пускается в пространные размышления на тему вин, купажа, кустов винограда, условий его хранения. Вино хранится в деревянных бочках в прохладном погребе. Потом, хитро подмигнув, домнул Георгио приносит ещё одну баклажку.

– Это вино другое, попробуй!

Густое, красное, как кровь, но маслянистое, готовое забродить, сделаться газированным.

Мы пробуем и его.

Словно огромная сочная дыня, солнце висит над головой. На камнях густые и черные, как кровь, наши тени, тени наших творений. За забором мычит голодный бычок. По двору, тревожно озираясь, бегает, словно утка, в цветастом сатиновом халате хозяйка, жена Георгия. И сотворил Бог женщину, и побежала она по двору домнула Георгию с полотенцем. И будет бегать вечно, куда не разрядилась батарея.

Теперь мой черёд. Я должен сделать выбор. Но я уже слегка охмелел и мне всё хорошо.

Мне хорошо, двор оплетён нитями судьбы, которые привязали меня ко двору домнула Георгию. Всё, что придумано не мной, свято. И вкусно. И всё замечательно. И я делаю свой выбор в пользу первой баклажки.

Теперь надо затанцевать здесь, застыть, раствориться в тени виноградной, в этой тёплой купели домашнего деревенского, очень простого, где всё понятно, быта. В этих запахах солнца, нагретой плитки, цветов, уток, коровы, навоза.

Жить значит пить!

На прощание мы выпиваем с домнулом Георгию ещё пару чарок доброй Изабеллы, и я слегка, а может даже уже и не слегка, пошатываясь, возвращаюсь в Долну, счастливый, как Пушкин, написавший «Цыган».

ТАТЬЯНА НЕКРАСОВА

Кишинёв

МАКА БАБОЧКА ПОРХАЕТ

ЖАРКОЕ

какие там облака, господи, ах, какие..! –
сфинксы, грифоны, гарпии, крылья подняв тугие,
лежат на холмах, ловят лениво ветер,
на глазах превращаясь в зайцев, лисиц, медведей.

и ты на холме стоишь, плависься и сгораешь
все-то ветра твои – предвосхищенье края
сухо и на траве пыли тусклая позолота
на глазах превращается в искру и гром и воду

ДАЧНОЕ

приметы времени и места
и что там было неизвестно
и что там дальше не сказать
любовь не про мужчин и женщин
не про живых не про ушедших
а способ жить во все глаза

и жизнь твоя земля вот эта
и низким солнцем смерть согрета
и между ними свет как мёд
едва струится жуть лихая
и мака бабочка порхает
а всё никак не упорхнёт